

УДК 130.2:94

Историческая память: проблема образа

© Ростовская О.М.

Республиканский институт высшей школы, Минск

Статья презентует проблему социального феномена исторической памяти, акцентуализируя образ как объект познания, рассматриваемый в соотношении с восприятием и воспоминанием, которые определяются в качестве основных механизмов формирования и воссоздания образов прошлого. Осмысление вопроса базируется на анализе работ ведущих французских теоретиков памяти конца XIX – первой половины XX века А. Бергсона и М. Хальбвакса, оказавших существенное влияние на развитие мнемической проблематики, актуализированной с 1980-х годов и в настоящее время представляющей перспективное исследовательское поле для междисциплинарного поиска, в ходе которого приоритетным видится региональное направление, имеющее в основании социально-философскую концепцию города как места образов исторической памяти. Учитывая последнюю методологическую ориентацию, в данной работе предлагается концептуализация исторической памяти, образа, восприятия и воспоминания.

Ключевые слова: историческая память, образ, восприятие, воспоминание.

(Ученые записки. – 2011. – Том 12. – С. 152–157)

Historical memory: problem of an image

© Rastouskaya O.M.

Republican Institute of the Higher School, Minsk

The article presents a problem of the social phenomenon of historical memory, where an image is the object of knowledge considered in the ratio with perception and memoirs, which are defined as the basic mechanisms of the formation and reconstruction of images of the past. The understanding of the problem is based on the analysis of works of leading French theorists of memory of the late XIX - early XX century A. Bergson and M. Halbwachs which made essential impact on the development of the problematic of the memory which became actual since 1980-s and now representing perspective research field for interdisciplinary search in which the regional direction, having in the basis the socially-philosophical concept of a city as a place of images of historical memory, sees priority. Considering last methodological orientation, conceptualization of historical memory, image, perception and memoirs is offered in this paper.

Key words: historical memory, image, perception, memoirs.

(Scientific notes. – 2011. – Vol. 12. – P. 152–157)

Социально-философский анализ исторической памяти в контексте конкретной социокультурной среды города и его исторического образа проектирует теоретико-методологическую основу перспективных социальных и социологических исследований в данной области, что определяет его значимость. Ключевой является проблема концептуализации основных понятий: «историческая память» и «образ».

Ранее анализированные нами подходы позволяют интерпретировать историческую память как форму психического отражения социального Прошлого в виде совокупности конкретных, взаимосвязанных, надындивидуальных образов. Исходя из определения и разделяя мнение современной российской исследовательницы И.М. Савельевой о том, что объектом изучения исторической памяти является, прежде всего,

Адрес для корреспонденции: пр-т Победы, д. 55, корп. 1, кв. 33, 210041, г. Витебск,
e-mail: rosolga@gmail.com – О.М. Ростовская

знание о прошлом, существующее в виде конвенциональных образов [1], мы считаем необходимым рассмотреть вопрос об их возникновении.

Являясь одной из основных проблем философского поиска, осмысление образов памяти имеет продолжительную историю, однако, по-прежнему, оставляет множество лакун. Создаваемые сознанием, мнемические образы значимы только когда материализуются в понятиях в процессе коммуникации, то есть когда вспоминаются и реализуются в воспоминаниях, что подчеркивает их социальный характер, но, то же время, их индивидуальность, как и возможность их образования, обусловлена восприятием. Это объясняет акцентуализацию процессов восприятия и воспоминания.

Теоретической основой наших рассуждений явились, прежде всего, идеи французских исследователей конца XIX – первой половины XX века: философа-интуитивиста и психолога Анри Бергсона и философа, социолога и социального психолога Мориса Хальбвакса. Рассматривая феномен памяти, они анализируют соотношение восприятия и воспоминания, представляя образ памяти или сознания в контексте данных процессов.

Обращение к этим авторам определяется и другими, весьма важными, на наш взгляд, мотивами.

Во-первых, рассматриваемые работы А. Бергсона («Материя и память», «Воспоминание настоящего») и М. Хальбвакса («Коллективная и историческая память», «Социальные рамки памяти», «Коллективная память») создавались в среде взаимовлияния психологии и социологии, обусловившего становление социальной психологии и психологизаторскую тенденцию в социологии и оказавшего существенное воздействие на философские интенции современной теории памяти.

Во-вторых, понятия длительности и памяти, соотносимые А. Бергсоном, фактически, лежат в основе социально-философской проблемы актуализации прошлого в настоящем; а утверждение

философа о независимости памяти от материи в определенной степени фундирует наше предположение о надындивидуальной эссенции исторической памяти.

В-третьих, с 1980–90-х годов и до настоящего времени наблюдается возврат к идейному наследию М. Хальбвакса, в том числе в русле актуализированных мнемических исследований. В концепции основоположника теории коллективной памяти очевидно влияние интуитивизма А. Бергсона и французской психологической школы, но особо важным для нас является его ключевое положение о социальной обусловленности памяти.

Резюмируя вышесказанное, мы полагаем, что формирование исторической памяти обусловлено формированием образов социального прошлого. Его основными механизмами являются восприятие и воспоминание, осмысление которых проводится нами на основе анализа соответствующих идей А. Бергсона и М. Хальбвакса. Исходя из этого, цель данной работы – концептуализация образа исторической памяти через его соотношение с восприятием и воспоминанием.

Материал и методы. Методологическую основу работы, имеющей объектом исследования образ как концепт, базирующийся социально-философский анализ феномена исторической памяти, составляет совокупность следующих методов: наблюдение, анализ, синтез, абстрагирование, феноменологический метод познания, системный подход.

Теоретической базой для осмысления образа памяти в контексте таких механизмов его формирования, как восприятие и воспоминание, явились посвященные данной проблематике работы А. Бергсона «Материя и память» и «Воспоминание настоящего» и М. Хальбвакса «Коллективная и историческая

память», «Социальные рамки памяти», «Коллективная память».

Результаты и их обсуждение. Анализ идей Анри Бергсона позволяет выделить следующие положения, существенные для познания феномена исторической памяти:

1) память представляет собой «нечто иное» [2, с. 655], не являясь лишь функцией мозга;

2) восприятие причастно памяти [2, с. 663], и это, вероятно, обусловлено взаимопроникновением и обменом актов восприятия и воспоминания [2, с. 470]. Однако вопрос об их единой природе остается открытым, так как для нас очевидна неоднозначность рассуждений самого А. Бергсона, указывающего на то, что все вокруг раздвоено на восприятие и воспоминание [3, с. 1034];

3) материальный мир представлен совокупностью образов [2, с. 435, 471];

4) есть образы знания, имеющие абсолютное значение, и образы сознания, подверженные индивидуальным изменениям [2, с. 425];

5) настоящее существует постольку, поскольку оно является работой сознания и памяти как единого процесса, в котором «сливается одно с другим», и познается интуитивно [2, с. 473];

6) образы памяти, постоянно смешивающиеся с восприятием настоящего, обогащая настоящее опытом, могут его заменить [2, с. 469];

7) наличие образа в воспоминании определяется стремлением по мере актуализации «жить в образе», который, однако, нужно искать [2, с. 548], а значит, он есть продукт сознательного действия, волевого усилия и даже имеет определенное утилитарное значение, так как, согласно А. Бергсону, только образы прошлого, полезные в настоящем, воспроизводятся в воспоминании [2, с. 553];

8) образ, существуя только в настоящем, есть настоящее; воспоминание, порождающее образ, связывая его с прошлым [2, с. 554], есть подвижная, едва различаемая граница, условно разделяющая прошлое-длительность и

настоящее-мгновение; и следует различать воспоминание образа и образ [3, с. 1032]. У А. Бергсона само воспоминание не является образом, т.е. они соотносимы, но не тождественны; образ существует в настоящем, а с прошлым его связывает именно воспоминание [2, с. 554], в то же время, «чистое настоящее» – неуловимый ход прошедшего [2, с. 564]. Возникает иллюзия, что образы находятся на грани прошлого и настоящего и их природа амбивалентна, но если представить воспоминание как акт, свершившийся в настоящем, как результат процесса воспоминания, то образы воспоминания есть образы настоящего, как и полагает автор. Они всегда актуальны, иначе просто не смогли бы появиться.

Бергсоновские рассуждения о восприятии и воспоминании приводят нас к мысли о том, что история есть совокупность образов и ее нельзя воспринимать иначе как через образы, соотнесенные с понятиями, их называющими и характеризующими. И далее, принимая во внимание идею, согласно которой восприятие насыщено воспоминаниями и нет на самом деле иного [2, с. 433], мы можем предположить, что наше восприятие прошлого через образы обусловлено нашими воспоминаниями, воспроизводящими эти образы в процессе воспоминания, которое имело отправную точку, некий мотив, побуждающий нас вспоминать, и, вероятно, опиралось на другие образы и понятия. Но наши воспоминания возможны только благодаря знанию, полученному посредством познания исторического бытия в его рациональном осмыслении, а также интуитивно. В итоге, постижение истории есть не что иное, как перцептивный круг: восприятие исторического обращает нас к воспоминанию, но чтобы вспомнить – надо знать, а получению знания предшествует восприятие. В то же время наблюдается и обратная связь: воспринимая, мы получаем

информацию, преобразующуюся в наше знание о прошлом, которое сохраняем в памяти и при необходимости воспроизводим, вспоминая, и тогда воспоминание исторического представляет нам его образ, благодаря которому возможно целостное восприятие. Соответственно, перцепция является исходной точкой и исторического воспоминания, и исторического знания.

В отличие от А. Бергсона, Морис Хальбвакс анализировал взаимосвязь восприятия и воспоминания в фокусе индивидуального и коллективного, акцентируя внимание на том, что индивидуальное восприятие, которое не может не сопровождаться воспоминанием, так как нет первого без второго, всегда пересекается с восприятием социальным [4, с. 321]. Возможно, такой точкой пересечения может быть исторический образ, аккумулирующий архетипическое конвенциональное знание и экзистенциальное представление.

Рассматривая проблему локализации образов, М. Хальбвакс связывал ее с осознанием момента приобретения воспоминания, указывая на сознательную интеллектуальную деятельность, предполагающую волевое усилие [4, с. 152]. Означает ли это, что требуется мысленно вернуть образ воспоминания из настоящего к его исходной точке (т.е. вернуться в прошлое, вспомнить свое восприятие, зафиксировавшее объект и информацию о нем), чтобы определить свое расположение во времени и пространстве по отношению к воспринятому, сохраненному в памяти и воссоздаваемому посредством воспоминания объекту, который уже не является таковым для нас потому, что в конкретный момент настоящего он есть лишь образ объекта прошлого? Вследствие этого мы фиксируем не только образ прошлого, но и себя по отношению к нему; образ принадлежит нам – он экзистенциален, оставаясь при этом историческим (и в этом смысле, явившимся из социального прошлого и обращенным к нему) и социальным (в смысле его принадлежности к общему и общественно значимому, а также нашей

непосредственной причастности к социуму).

Сам М. Хальбвакс определяет место образа путем «введения в границы» [4, с. 163]. Вероятно, под границами понимается рамка, хотя позиция автора неоднозначна: рамку памяти составляют пространство и время, «словесные конвенции» [4, с. 118], фигуры или образы, понятия [4, с. 218] и даже сами воспоминания, традиции, идеи [4, с. 227], или сама память – это «рамка, образуемая понятиями» [4, с. 337]. Очевидно только то, что для памяти важно наличие рамок, используемых людьми для фиксации и нахождения собственных воспоминаний [4, с. 115], а с их исчезновением или трансформацией то же происходит и с воспоминаниями вследствие тождественности рамки и разворачивающихся в ней событий [4, с. 135]. Поиск предполагает возможность обращения к ориентирам, количество которых определяется приближенностью или удаленностью воспоминания от настоящего [4, с. 328].

С. Зенкин во вступительной статье к книге «Социальные рамки памяти» указывал на гомогенность воспоминаний и рамки в авторской интерпретации, однако это вызывает некоторые сомнения. По определению, рамка должна обрамлять воспоминания. Если они сливаются, образуя неделимое целое, то нет необходимости говорить о рамке вообще. Соответственно, если, невзирая на расплывчатость определения, М. Хальбвакс акцентирует на ней внимание, рамка имеет значение, а потому этот вопрос требует ответа. Мы полагаем, что, если содержимое рамки памяти – само воспоминание, тогда рамка, обрамляющая и сохраняющая его целостность и, в то же время, содействующая его воссозданию, – это устойчивая конструкция, составляемая временем, пространством, совокупностью понятий, сохранившихся в памяти в виде

знания, а также ощущений и эмоций, повлиявших на восприятие. Тогда воспоминание – это не что иное, как образ, который есть квинтэссенция памяти.

И данное положение соответствует идее М. Хальбвакса, утверждавшего, что воспоминание есть образ, относящийся к прошлому и пребывающий в настоящем [4, с. 52].

Образы исторической памяти, репрезентируемые как социальные символические конструкты, обуславливая формирование исторической памяти, имеют свою специфику. Учитывая, что они возникают в настоящем и принадлежат настоящему, но извлекаются из социального прошлого, мы констатируем неразмыкаемый круг мнемического возвращения, где рамка символизирует путь с множеством универсальных знаков-ориентиров, а образ – перекрестный пункт назначения, указывающий на потенциальный вектор движения. Очевидно, что в ходе социального развития, сопровождающегося сменой исторических эпох, трансформируются образы и меняются рамки памяти. С одной стороны, общество может осознанно и ответственно пересмотреть свою историю, дополняя ее новыми данными на основе современных подходов, понятий, способов восприятия и познания, стереотипов мышления и поведения. Учитывая возможности междисциплинарных связей, это, в результате, способствует расширению исторического горизонта. С другой стороны, закономерно, что определенные исторические периоды актуализируются, отдельные исторические фигуры ретушируются, конвенциональность социального прошлого фундируется противоречиями.

Таким образом, мы рассматриваем восприятие и воспоминание как основные, относительно автономные механизмы, определяющие функционирование памяти в индивидуальном надындивидуальном измерении. Восприятие – предпосылка возникновения образов, а воспоминание – предпосылка их материализации, и, в то

же время, они представляют собой сознательный процесс, обусловленный мышлением, воображением, волей, и результат в виде образов памяти. Если восприятие прошлого в образах воспоминания и восприятие объектов прошлого как перспективных образов является первым следствием второго, то восприятие, как и воспоминание, имеет разные проявления, оно динамично. Следовательно, и образы, как сложные символические конструкции смыслов, подвержены перманентной трансформации.

Заключение. Постигание целостности социального мира в его историческом развитии возможно благодаря наличию феномена исторической памяти как квинтэссенции исторического сознания, представляющего собой срез общественного сознания, сфокусированного на социальном прошлом, воспринимаемом, представляемом, осмысливаемом и оцениваемом в контексте целостной картины мира во взаимосвязи с настоящим и будущим.

Историю и историческое знание можно интерпретировать как социальную унифицированную память, которая, являясь, в сущности, надындивидуальной памятью, представляется матрицей множества индивидуальных исторических воспоминаний, сконструированных из реставрированных или реконструированных образов.

Фактически проблема исторической памяти – это проблема актуализации прошлого в настоящем, соотносимая с вопросом о социокультурной самоидентификации, требующим отдельного социально-философского анализа.

В рамках данной работы поставлен акцент на соотношении механизмов памяти и выявлении ее основания, что создает предпосылку для дальнейшего осмысления мнемической связи прошлого и настоящего в контексте исследования образа города в исторической памяти его жителей.

Подводя итог, отметим, что тождественность восприятия и воспоминания в интерпретациях и А. Бергсона, и М. Хальбвакса неочевидна, как и единство воспоминания и образа. Однако оба констатируют их взаимосвязь через соотнесение с образами.

Все выше сказанное указывает на то, что функционирование памяти обеспечивается, прежде всего, такими механизмами, как восприятие (которое есть процесс и результат создания в сознании представления об объекте) и воспоминание (которое понимается и как процесс реконструкции образа и знания, и как результат в виде образа), формирующими и воссоздающими образы, которые, являясь социокультурными символами, надиндивидуальны, несмотря на то, что их физическим носителем всегда выступает индивид как социальный субъект. Это позволяет интерпретировать образ как порождаемое вследствие восприятия и последующего воспоминания эссенциальное отражение в настоящем объекта, имевшего место в прошлом, олицетворяющего социальное конвенциональное прошлое и являющегося

не более чем отпечаток и, одновременно, повествование о себе самом в динамике от прошлого реального бытия к настоящему мгновению, воспроизводящему его бытие через призму своей преходящей актуальности.

Литература

1. Хаттон, П.Х. История как искусство памяти / П.Х. Хаттон // [Электронный ресурс]. – 2004. – Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/hatt/index.ptp. – Дата доступа: 09.02.2011.
2. Бергсон, А. Материя и память / А. Бергсон // Творческая эволюция. Материя и память / А. Бергсон; пер. А. Баулера. – Минск: Харвест, 1999. – С. 414–668.
3. Бергсон, А. Воспоминание настоящего / А. Бергсон // Творческая эволюция. Материя и память / А. Бергсон; пер. В. Флеровой. – Минск: Харвест, 1999. – С. 1005–1049.
4. Хальбвакс, М. Социальные рамки памяти / М. Хальбвакс; пер. с фр. С.Н. Зенкина. – М.: Новое издательство, 2007. – 348 с.

Поступила в редакцию 28.06.2011 г.

Принята в печать 12.12.2011 г.